

Литературный факт.
2024. № 3 (33)

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 3 (33), 2024

Научная статья
с публикацией архивных материалов
УДК 821.161.1.0
<https://doi.org/10.22455/2541-8297-2024-33-290-307>
<https://elibrary.ru/PLLXJO>

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

П.В. Мокиевский в журнале «Русское богатство»: Две несостоявшиеся полемики

© 2024, А.В. Востриков

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия

Аннотация: Статья посвящена анализу той особой позиции, которую занимал в журнале «Русское богатство» один из старейших его сотрудников Павел Васильевич Мокиевский. Выявленные архивные материалы, в основной части ранее не публиковавшиеся, позволяют увидеть в нем самостоятельного автора и независимого принципиального журналиста. В статье подробно рассмотрены два эпизода, связанные с неудовольствием авторов написанными Мокиевским рецензиями: М.М. Филиппова в 1895 г. и В.В. Лесевича в 1898 г. В обоих случаях обиженные авторы обратились к редактору «Русского богатства» Н.К. Михайловскому с требованием поместить их полемические реплики, а тот, в свою очередь, переадресовал их Мокиевскому вместе со своими соображениями о необходимости и возможности полемики на страницах журнала. В обоих случаях Мокиевскому удалось убедить редактора не только в принципиальности высказанного им мнения по существу, но и в бесполезности сколько-нибудь развернутой дальнейшей дискуссии; причем во втором случае, когда вопрос касался В.В. Лесевича, с которым Михайловский был связан многолетними дружескими отношениями, Мокиевский выразил готовность прекратить сотрудничество в журнале, если его позиция не будет принята. Подробное рассмотрение этих эпизодов позволяет не только увидеть скрытые механизмы журнальной полемики, но существенно дополняет наши представления о взаимоотношениях сотрудников «Русского богатства» между собой и с объектами их публикаций.

Ключевые слова: П.В. Мокиевский, Н.К. Михайловский, журнал «Русское богатство», М.М. Филиппов, В.В. Лесевич, рецензия, журнальная полемика.

Информация об авторе: Алексей Викторович Востриков — заведующий сектором «Библиотека Бестужевских курсов», Научная библиотека им. М. Горького, Санкт-Петербургский государственный университет, Университетская наб., д. 7–9, 199034 г. Санкт-Петербург, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0005-0821-9511>

E-mail: bestuzhevka@gmail.com

Для цитирования: *Востриков А.В.* П.В. Мокиевский в журнале «Русское богатство»: Две несостоявшиеся полемики // Литературный факт. 2024. № 3 (33). С. 290–307. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2024-33-290-307>

В редакции журнала «Русское богатство» наряду с яркими общественно значимыми личностями, властителями дум и вождями направлений, были и сотрудники, как бы остававшиеся в тени своих знаменитых товарищей, но не уступавшие им ни по своему деятельному участию в работе журнала, ни по самостоятельности и авторитетности позиции. Одной из таких наименее публичных фигур был Павел Васильевич Мокиевский (1856–1927). Начав сотрудничество с журналом еще в 1883 г. при редакторе Л.Е. Оболенском, он, едва ли не единственным, продолжил его и при Н.К. Михайловском, и при В.Г. Короленко до самого прекращения издания в 1918 г. Полноправный член товарищества по изданию «Русского богатства» (с 1904 г.), «руководитель философского отдела» журнала, как его иногда рекомендовали, член Литературного фонда и Союза писателей, московского психологического и петербургского философского обществ, он никогда не выступал на первый план, и его биография известна в самых общих чертах¹. В этом нет ничего особо примечательного: Мокиевский по основному роду занятий был практикующим врачом широкого профиля, и хотя Н.И. Кареев, связанный с ним многолетними дружескими отношениями, писал, что «он имел много пациентов в ученном и писательском мире» [5, с. 299], но свидетельств этого обнаружить не удалось. В Петербурге Мокиевский обосновался в начале 1880-х гг., вместе с женой, художницей Марией Ивановной (урожд. Бобровниковой; 1855 – нач. 1910-х), жил преимущественно на Васильевском острове, с 1896 г. в квартире на 3-й линии; после смерти жены остался один. По политическим убеждениям был близок к народным социалистам, но активной партийной деятельностью не занимался, после 1917 г. вообще отошел от политики, а вскоре и от литературы (т. е. журнальной работы), продолжая только врачебную практику². После смерти Мокиевского самое ценное из

¹ Наиболее полную сводку био- и библиографических сведений о П.В. Мокиевском см.: [1].

² С 1990-х гг. в ряде исследований появились сведения о П.В. Мокиевском как влиятельном масоне, гипнотизере, оккультисте, медиуме и проч. Источником прямо или косвенно указывались неопубликованные показания Г.И. Бокия, якобы назвавшего Мокиевского своим учителем и проводником к эзотерическим тайнам; см., напр.: [2, с. 555; 6, с. 220; 11, с. 25–26, 139]. Мокиевский действительно интересовался гипнозом: он перевел с французского книгу А.Э. Бони «Гипнотизм: Исследование физиологическое и психологическое» (СПб.: Ред. «Русского богатства», 1888) с собственными дополнениями, свидетельствующими о хорошем знакомстве переводчика с теорией и практикой предмета. В 1905 г. Мокиевский безвозмездно оказывал медицинскую помощь студентам, пострадавшим в столкновениях

накопленного им — библиотека из 3 888 томов — поступила в Государственный книжный фонд как выморочное имущество [3, с. 71].

Как философ Мокиевский не создал какого-либо оригинального учения и был известен в первую очередь как переводчик³ и особенно как составитель обзоров и рецензий, регулярно печатавшихся на страницах «Вопросов философии и психологии»⁴ и «Русского богатства»⁵. Рецензии его не отличались резкими выпадами против оппонентов или красотами памфлетного стиля и не становились поводом для дискуссий. Более того, материалы в разделе «Новые книги» печатались по традиции без подписи, как бы от имени журнала. И Мокиевский для стороннего взгляда мог казаться именно выразителем общего мнения редакции — той самой редакции, олицетворением которой с 1892 по 1904 гг. был Н.К. Михайловский. Однако ситуация не была такой однозначной. Причиной теневой позиции Мокиевского были не второстепенность или зависимость его роли, а скорее особенности характера. Разделяя в целом общественные идеалы и принципы редакции, придерживаясь общего «направления» журнала, в частных и тем более специально философских вопросах он имел вполне самостоятельные взгляды и выражал их совершенно свободно, ни под кого не подстраиваясь и ни с кем не соглашаясь. Доверие к нему было таково, что даже такой авторитарный редактор, как Н.К. Михайловский, в спорных вопросах, так или иначе затрагивавших зону ответственности Мокиевского, не просто обращался к нему за советом, но практически предоставлял право решающего голоса.

Предлагаемые ниже материалы касаются двух эпизодов из истории «Русского богатства». В обоих случаях рецензии П.В. Мокиевского вы-

с полицией, в том числе студентам Горного института, большевистскую ячейку которого возглавлял Г.И. Бокий; см.: [4, стб. 415]. Остальные сведения этого типа следует отнести на особенности психического состояния Г.И. Бокия и обстоятельства следствия и допросов 1937 г.

³ Наиболее заметными были переводы трудов К.Й. Бирнбаума «Простейшие методы для распознавания подделки важнейших съестных припасов» (с немецкого; Киев: Тип. Г.Т. Корчак-Новицкого, 1881); Э.М. Каро «Пессимизм в XIX веке: Леопарди — Шопенгауэр — Гартман» (с французского; М.: Тип. Л.Ф. Снегирева, 1883; 2-е изд. 1893), А.Э. Бони «Гипнотизм: Исследование физиологическое и психологическое» (с французского; СПб.: Ред. «Русского богатства», 1888), Ф.Г. Коллинса «Философия Герберта Спенсера» (с английского; СПб.: Ф. Павленков, 1892; 2-е изд. 1897). К этой же категории в значительной степени относится и реферативная работа самого П.В. Мокиевского «Ценность жизни: (изложение и критика учений современного пессимизма)» (Русское богатство. 1883. № 5/6–12; отд. изд.: СПб.: Ред. «Русского богатства», 1884).

⁴ Всего 35 публикаций за 1889–1908 гг.; см.: Указатель статей, рецензий и заметок, напечатанных в журнале «Вопросы философии и психологии» за двадцатилетие 1889–1909 г. // Вопросы философии и психологии. 1909. № 100. С. 816–845.

⁵ В 1892–1918 гг. в журнале было напечатано 28 статей за подписью Мокиевского; количество рецензий, печатавшихся без подписи, составляет около 250; см.: [9].

звали неудовольствие авторов рецензируемых изданий: М.М. Филиппова в 1895 г. и В.В. Лесевича в 1898 г.; в обоих случаях предметом обсуждения П.В. Мокиевского и Н.К. Михайловского было не столько содержание претензий рецензента к авторам по существу, сколько необходимость и возможность полемики по этим вопросам на страницах журнала. Привлекаемые материалы, в первую очередь ранее не публиковавшиеся письма действующих лиц, позволяют увидеть механизмы формирования и поддержания полемического контента, обычно остающиеся за пределами читательского и исследовательского внимания. Кроме того, публикуемые письма, характерные по стилю и манере для своих авторов, дополняют их портреты; в особенности это касается П.В. Мокиевского, этого незаметного, но вполне важного члена редакции «Русского богатства».

1.

В начале 1895 г. в качестве бесплатного приложения к журналу «Научное обозрение» был опубликован перевод книги Т. Рибо «Современная германская психология»⁶. «Русское богатство» (далее РБ) уже через два месяца откликнулось рецензией, написанной П.В. Мокиевским и опубликованной в разделе «Новые книги» без подписи⁷. В рецензии, написанной в сдержанном тоне, были высоко оценены и достоинство самого труда Рибо, и значение появления его русского перевода. Вместе с тем отмечалось, что после выхода оригинального издания прошло уже десять лет, и «за это время немецкая психология обогатилась многими ценными трудами <...>. К сожалению, ни переводчик, ни редакция “Научного обозрения” не потрудились дополнить изложение Рибо обзором новейших немецких работ в области психологии»⁸. Это замечание имело довольно ехидный подтекст. В рецензируемом издании, в предисловии «От редакции» (написанном, вероятно, М.М. Филипповым), с гордостью отмечалась именно актуальность перевода: «Имя Рибо достаточно известно русским читателям. При выборе предлагаемого сочинения для перевода мы старались восполнить заметный пробел — отсутствие в нашей литературе сжатого и в то же время достаточно полного очерка успехов новейшей опытной психологии. Появление такого очерка мы считаем особенно уместным ввиду заметного возрождения у нас разных отживающих метафизических и супранатуральных учений»⁹.

⁶ Рибо Т. Современная германская психология: (Опытная школа) / пер. со 2 франц. изд., испр. и доп., Л. Ройзмана. СПб.: Изд. журнала «Научное обозрение», 1895. [4], 274 с. Цензурное разрешение датировано 18 февраля 1895 г.

⁷ Цензурное разрешение этого номера журнала датировано 25 апреля 1895 г. Авторство Мокиевского, помимо публикуемых ниже писем, подтверждается сведениями книги гонораров РБ за 1895 г., см.: ОР РНБ. Ф. 211. № 1255. Л. 5.

⁸ РБ. 1895. № 4. Отд. 2. С. 87–89.

⁹ Рибо Т. Современная германская психология. С. I.

Сам перевод Мокиевским был оценен как «удовлетворительный, но далеко не безупречный». В частности, название: «германская» <психология> вместо более точного, по мнению рецензента, «немецкая», — было признано неудачным, с оговоркой: «Это, конечно же, мелочь, но мелочь, указывающая на небрежность переводчика и редакции». Кроме того, было отмечено несколько частных неточностей и ошибок в переводе терминов.

Вскоре после выхода этого номера журнала Н.К. Михайловский получил от редактора «Научного обозрения» М.М. Филиппова¹⁰ предлагаемую для публикации заметку (текст не сохранился) со следующим сопроводительным письмом от 22 апреля 1895 г.:

Глубокоуважаемый Николай Константинович.

Посылаю письмо в редакцию для № 5 «Amicus Plato»¹¹ и т. д. Заметка в № 4 «Русск<ого> бог<атства>» огорчила меня не потому, что там указаны недостатки перевода, но потому, что слово «небрежность редакции» едва ли удобно по отношению к дружественной редакции и человеку, подобно мне, всегда горячо сочувствовавшему Вашему журналу, в котором и я имел честь быть сотрудником. Такие слова поселяют рознь, а в наше время сплочение сил и забвение мелких распрей составляют настоятельную необходимость, иначе всех нас съест торжествующая *Sus scrofa*¹².

Кстати, с Вашего разрешения, я послал Вам давно уже книжку Циглера¹³. Хотя Ваше обещание было условно, я все-таки продолжаю надеяться, что Вы его исполните.

Готовый к услугам
М. Филиппов¹⁴.

Филиппов не знал, кто был автором огорчившей его рецензии; собственнно, и не хотел знать, возлагая ответственность за все материалы, опубликованные в журнале, на редактора и обращаясь к Михайловскому

¹⁰ Филиппов Михаил Михайлович (1858–1903) — естествоиспытатель, философ, журналист; печатался в РБ в 1884–1894 гг.; с 1894 г. издавал журнал «Научное обозрение».

¹¹ Начальные слова известного выражения, приписываемого Аристотелю: «Amicus Plato, sed magis amica veritas» (Платон мне друг, но истина дороже, *лат.*).

¹² Дикая свинья, кабан (*лат.*). «Торжествующая свинья» — ставший нарицательным персонаж из цикла М.Е. Салтыкова «За рубежом» (1880–1881).

¹³ Имеется в виду изд.: Циглер Т. Что такое нравственность? / пер. со 2 нем. изд. Александра Острогорского. СПб.: Тип. Училища глухонемых, 1895. [4], 104 с. По какой причине Филиппов был заинтересован в продвижении этого издания, установить не удалось.

¹⁴ РО ИРЛИ. Ф. 181. Оп. 1. № 727. Л. 16–16 об.

на равных¹⁵. Но Михайловский не собирался игнорировать Мокиевского и тут же переслал ему заметку и письмо Филиппова, видимо, с краткой вопросительной запиской (к сожалению, архив Мокиевского не сохранился, и письма Михайловского к нему неизвестны). Мокиевский отвечал в тот же день, 22 апреля 1895 г.:

Уважаемый Николай Константинович,

На Ваш вопрос, что я думаю относительно письма Фил<иппова>, ответчу: если Вы этим спрашиваете, не буду ли я недоволен, если Вы поместите это письмо в Р.Б. (как этого хочет Ф<илиппов>), то я заявляю, что ничего не имею против помещения этого письма (и ничего отвечать ему не буду).

Если же Вы хотите знать, что я думаю об этом письме по существу, то скажу, что оно ничего не доказывает кроме того, что Фил<иппов> недоволен моею рецензией.

<красная карандашная черта>

Литература классифицируется по языкам. Но германского языка (теперь) не существует, а есть германская ветвь, или семья языков: нем<ецкий>, голланд<ский>, английский и т. д. Когда Вы услышите, что два человека говорят между собою на том языке, на котором написан «Фауст», то скажете: «они говорят по-немецки», и никогда никто не скажет: «они говорят по-германски».

Слова: германская наука, германская цивилизация и т. п. всеми употребляются для противопоставления германских народов романским и славянским. Следовательно, озаглавливая книгу Рибо «Совр<ременная> германская псих<ология>», переводч<ик> и ред<актор> не могли употреблять это слово ни в лингвистическом, ни в этнографическом его значении, потому что подобные значения *гораздо шире*¹⁶ содержания книги. Остается только значение государственное, но (не говоря уже о неудобстве такого употребления особенно у немцев, у которых подданные берлинского императора, венского императора и граждане Швейцарской республики составляют одну научную семью) и на это они не имели права, ибо Рибо говорит о всех книгах, написанных на немецком языке, не обращая

¹⁵ Филиппов если и был лично знаком с Мокиевским, то не коротко, однако следил за его публикациями в РБ и «Вопросах философии и психологии». В письме к Михайловскому от 30 июля 1898 г. Филиппов упоминает Мокиевского в следующем контексте: «Кстати: в журнале “Mind” была заметка о франц<узском> переводе Вашей статьи “Что такое прогресс”. Ваш сотрудник Мокиевский получает, кажется, этот журнал» (РО ИРЛИ. Ф. 181. Оп. 1. № 727. Л. 22).

¹⁶ Здесь и далее в публикуемых и цитируемых текстах курсивы и подчеркивания принадлежат авторам.

внимания на то, к какому государству принадлежал автор. Довод Филиппова, будто сам Рибо, говоря о Brentano, называет его германцем, этот довод не более как *petitio principii*¹⁷: ведь Рибо писал не по-русски, и весь спор между нами заключается в том, как следует перевести слова *psych<ologie> allemande*, германская или немецкая психология. Нет ничего удивительного, что Рибо считал Brentano за *psychologue allemand*, потому что по-французски «немецкий язык» называется «*la langue allemande*».

Я не знаю, зачем понабилось Филиппову устанавливать тожество выражений: немецкий язык и германский язык, но отлично понимаю, что если бы эта реформа удалась г. Фил<иппову>, то пришлось бы изобретать новое слово для обозначения германской ветви арийских народов.

<красная карандашная черта>

Фил<иппов> берет девиз «*amicus Plato*» и призывает к единению, но я именно и руководился девизом «*amicus Plato*», когда указывал ошибки перевода, невзирая на то, «дружественная» ли это редакция или нет, а он именно и начинает мелочные дразги и, говоря между нами, письмо произвело на меня такое впечатление, что он сердится собственно за другие места рецензии, но против них ничего сказать не может, что слово «германский» он употребил «не подумавши» и теперь уже создал *ad hoc*¹⁸ целую теорию о тожестве терминов «германский» и «немецкий». Но софизмы и парадоксы интересны только тогда, когда они остроумны.

Ваш П. Мокиевский.

Я сказал, что я не стану печатно отвечать Фил<иппову>, если Вы поместите его письмо. Этим я говорю, что не желаю пользоваться *правом* отвечать, но если Вы думаете, что я *обязан* отвечать, то в качестве ответа поместите то, что взято мною между красными чертами¹⁹.

Однако ничего публиковать не потребовалось. Вскоре от Филиппова пришло новое письмо к Михайловскому, которое на основании содержания можно датировать 25 апреля 1895 г.:

¹⁷ Вид логической ошибки: использование в качестве аргумента положения, которое само по себе нуждается в доказательстве.

¹⁸ Для данного случая (*лат.*). Используется как термин для обозначения частных теорий или решений, не укладывающихся в общие правила.

¹⁹ РО ИРЛИ. Ф. 181. Оп. 1. № 457. Л. 1–2.

Глубокоуважаемый Николай Константинович.

Я писал Вам по поводу одного дела. По всей вероятности, письмо мое пропало, потому что вот уже третий день, а я не получаю от Вас ответа. Так или иначе, но после обсуждения этого вопроса я считаю необходимым просить Вас считать мое письмо, даже если оно получено, недействительным, исключая моей просьбы насчет Циглера, состоявшей в том, что я просил Вас, при малейшей возможности, исполнить Ваше условное обещание, т. е. написать по поводу Циглера хотя небольшую статью для «Научн<ого> обозрения».

Готовый к услугам
М. Филиппов <...>²⁰.

Таким образом, никаких последствий рецензия Мокиевского на перевод Рибо не имела: ни заметка Филиппова, ни, соответственно, ответ Мокиевского напечатаны не были. Рецензия на книгу Т. Циглера (ради которой Филиппов «забыл» о неуважительном к нему отношении рецензента РБ) была напечатана в июле 1895 г., но не в «Научном обозрении», а в РБ, в разделе «Новые книги» и без подписи; был ли ее автором Михайловский (или тот же Мокиевский), установить не удалось. А вскоре лица, участвовавшие в деле, перестали быть *amicus*'ами. С 1899 г. Михайловский и Филиппов обменивались печатными выпадами разной степени резкости²¹. В биографии Филиппова, написанной его сыном, немало места уделено «несправедливым» «выходкам» Михайловского, имена же Мокиевского, Рибо и его переводчика Л. Ройзмана (о котором нам не удалось найти никаких сведений) не упомянуты вовсе; см.: [10].

2.

В июльской книжке РБ за 1898 г. была напечатана статья Мокиевского, посвященная философии Рихарда Авенариуса и созданному им учению — эмпириокритицизму²². В самом начале статьи говорится: «Хотя Авенариус, бесспорно, принадлежит к числу наиболее выдающихся философов нашего времени, однако в русской литературе о нем говорит один только г. Лесевич. Такая аномалия объясняется не одною только скудостью русской философ-

²⁰ РО ИРЛИ. Ф. 181. Оп. 1. № 727. Л. 17–18.

²¹ См., например: *Филиппов М.М.* Новый талант г. Михайловского (по поводу его «Карьеры Оладушкина») // Научное обозрение. 1899. № 11. С. 2159–2165; *Михайловский Н.К.* О докторх философии вообще и о д-ре философии М.М. Филиппове в частности // РБ. 1901. № 4. Отд. 2. С. 141–144.

²² *Мокиевский П.В.* Несколько слов об одной из новейших философских систем. Фридрих Карстаньен. Введение в «критику чистого опыта». Перевод В. Лесевича по неизданной рукописи второго, пересмотренного и дополненного автором издания. СПб., 1898 // РБ. 1898. № 7. Отд. 2. С. 24–30.

ской литературы, но еще и тою исключительною трудностью, с которою приходится бороться человеку, желающему усвоить себе философию Авенариуса. <...> Сверх работ самого Авенариуса с его философию знакомили европейскую публику труды его учеников и последователей <...>. Разбираемая книга Карстаньена и есть именно подобного рода попытка популяризовать философию Авенариуса». Далее автор констатирует, что «так как перевод сделан таким компетентным лицом, как г. Лесевич, то очевидно, что наша задача упрощается: нам нет надобности доказывать, что и изложение, и перевод сделаны безукоризненно; нам остается заняться только обсуждением самой философии Авенариуса»²³. Краткий реферат разбираемой книги Мокиевский завершил словами: «Изложивши с возможной краткостью учение Авенариуса, мы постараемся дать столь же беглую оценку этого учения. Полный критический разбор учения Авенариуса потребовал бы целой книги; поэтому здесь мы можем только слегка коснуться самых основных пунктов»²⁴, — после чего и высказал свое мнение о принципиальных («роковых»), на его взгляд, недостатках эмпириокритицизма. Статья была написана в сдержанном и уважительном тоне, критика не выходила за пределы научной полемики, никаких личных выпадов в отношении оппонентов (Авенариуса, Карстаньена, Лесевича) не содержала.

Отметим также, что статья, хотя по всем формальным признакам являлась рецензией, напечатана была не в разделе «Новые книги», а отдельно, как авторская, за полной подписью П.В. Мокиевского.

В.В. Лесевич²⁵ в тот год проводил лето на даче, испытывая проблемы с почтой, о чем свидетельствует его письмо к Д.Н. Овсяннику-Куликовскому, написанное в сентябре 1898 г.²⁶ Со статьей Мокиевского он ознакомился, вероятно, только в октябре. Статья вызвала в нем вспышку гнева, который он излил в редакции РБ на Н.Ф. Анненского и В.Г. Короленко, но не нашел в них понимания. Анненский и Короленко сообщили о возмущении Лесевича Михайловскому, который, по-видимому, предложил своему старому товарищу (хотя их отношения к этому времени изрядно охладели) ответить на критику печатно на страницах РБ. Вскоре Михайловский получил полемическую заметку и сопроводительное (не датированное) письмо, написанное с чрезвычайной (и возрастающей по ходу дела) запальчивостью:

²³ Там же. С. 24–25.

²⁴ Там же. С. 28.

²⁵ Лесевич Владимир Викторович (1837–1905) — философ, социолог, общественный деятель; регулярный автор РБ, один из первых пайщиков журнала, член Литературно-хозяйственного комитета (1892–1898); короткий товарищ Н.К. Михайловского со времен совместного сотрудничества в «Отечественных записках» в 1870-е гг.

²⁶ РО ИРЛИ. Ф. 211. Оп. 1. № 138. Л. 1–2.

Многоуважаемый Николай Константинович,

Я только что получил Вашу записку и сейчас же посылаю «заметку» о статье Мокиевского. Я намеренно умолчал о том, что Мокиевский в этой статье пытается ниспровергнуть саму идею опыта и сулит нам какие-то неквалифицированные факторы, о которых можно говорить разве с Козловым²⁷. Я обошел и другой принципиальный вопрос — о том, что все де сведено на физиологию. Не на физиологию, а на биомеханику, в форме которой у Авенариуса укладывается процесс познания. Если бы «система»²⁸ вдруг объявила: «все есть познание», — эта система была бы идиотом, но теория познания... о чем ей прикажете говорить, если речь о процессах познания высмеивается? Я умолчал обо всех этих метафизических подвалах потому, что пришлось бы косвенно укорить редакцию, дающую им место на страницах журнала. Я оставил только то, что относится собственно к Мокиевскому. Если же принять во внимание все стороны статьи, то придется признать ее захватывающею район более широкий, нежели одно только рассмотрение книги Карстаньена. Статья производит впечатление какой-то *общей* перемены фронта <?>²⁹, заставляющей интересующихся ею в последней степени недоумевать.

Все это для меня так очевидно, как дважды два четыре. Но тщетно старался я выяснить это Ник<олаю> Фед<оровичу> и Влад<имиру> Галактионовичу. Они упорно доказывали мне, что статья Мокиевского не есть «смещение карт», а «свое мнение». Какое же тут мнение, когда подлежащее в предложении подменено? Пусть бы высказывал мнение о «Критике», а то повел речь о «системе»! Но,

²⁷ Имеется в виду философ Алексей Александрович Козлов (1831–1901). В статье Мокиевского имя Козлова не упоминается; скорее всего, Лесевичу пришла на ум недавняя критика современных философских теорий (в том числе Р. Авенариуса), напечатанная Козловым в мае 1898 г.: *Козлов А.А.* Мысли о некоторых философских направлениях, преобладающих в современной русской литературе, и об одном возможном в будущем // *Свое слово.* № 5. 1898. С. 73–160. О Козлове и об отношении к нему Михайловского см.: [8].

²⁸ Здесь слово «система» употреблено в значении, которое в него вкладывалось в эмпириокритицизме. Ср.: «Во всяком индивидуе имеет особое значение нервная система, а в последней в свою очередь центральная ее часть, которая и обозначается как “система” (Centralsystem)» (*Карстаньен Ф.* Введение в «критику чистого опыта»; цит. по указанной рецензии П.В. Мокиевского: РБ. 1898. № 7. Отд. 2. С. 26. В своей статье Мокиевский пользовался словом «система» и в общепринятом значении, и Лесевич крайне болезненно воспринял эту путаницу.

²⁹ Лесевич считал, что, публикуя его статью «Эволюция философии и философские “переживания”» (РБ. 1895. № 5. С. 126–160), посвященную, в частности, благожелательному разбору учения Авенариуса, редакция РБ разделила его точку зрения. В связи с этим Михайловский был вынужден специально оговариваться, что редакция по вопросу об Авенариусе своего мнения не имеет (см. ниже).

я думаю, что и о «Критике» ему нельзя бы было высказывать *какое ни попало* мнение. У журнала есть физиономия, есть прецеденты; у него есть, следовательно, свои контрасты <?>³⁰, и если смешать все в кучу, что же скажет читатель? Если же Ник<олай> Фед<орович> на это говорит, что *по этому* вопросу надо допустить *большую широту*, то все же и у большой широты должна быть своя *мера*, и прежде чем внушать мне «чувство меры», надо бы, я думаю, спросить: *соблюдена* ли мера Мокиевским; не перехватил ли он сам широкую широту? А если скажут: *нет*, то заключение может быть одно: философия — это такая дребедень, о которой всякий молодец на свой образец может врать. Если же так, то для *достоинства* журнала подобает ее выбросить, как были во время оно выброшены: моды, шахматы, ребусы. Такое решение будет иметь несомненное достоинство ясности. Теперь же, слушая обращенные ко мне внушения, ясности-то я и не усматривал.

Искренно уважающий Вас
В. Лесевич³¹.

Михайловский явно не хотел отказывать Лесевичу в публикации полемической реплики — ни по причине старого товарищества, ни по традиции журнальной этики. Но и открывать на страницах РБ совершенно непрофильную дискуссию об эмпириокритицизме он тоже не собирался. Поэтому он сообщил Мокиевскому (видимо, в достаточно ироничной форме) о намерении Лесевича напечатать возражения и о намерении редакции ограничить этим рассмотрение темы. Однако у Мокиевского был свой взгляд на ситуацию. 21 октября он писал Михайловскому:

Многоуважаемый Николай Константинович,

Когда я узнал, что Влад<имир> Викт<орович> оскорбился тем обстоятельством, что я назвал Авенариуса только одним из «наиболее выдающихся философов нашего времени», а не признал в нем (Авенариусе) творца философского Корана, когда я узнал, затем, что В.В. будет «отвечать» мне, то, поверьте, самым искренним моим желанием было то, чтобы я не был вынужден вступить с ним в полемику.

Всякий ответ Лес<евича> в каком бы то ни было журнале, кроме «Русс<кого> бог<атства>», конечно, совершенно освободил бы меня

³⁰ Слово подчеркнуто в тексте карандашом. Вероятно, и Михайловский не был уверен в том, что правильно прочитал чрезвычайно неразборчивый почерк своего многолетнего корреспондента.

³¹ РО ИРЛИ. Ф. 181. Оп. 1. № 386. Л. 96–97.

от необходимости вступать в эту неприятную полемику. Но дело принимает совершенно иной оборот, когда возражение на статью появляется в том самом журнале, в котором эта статья была напечатана. Тогда мое несомненное *право* ответить оппоненту почти превращается в *обязанность* показать, что я могу привести разумные доводы для поддержания своего мнения. В данном случае молчание было бы равносильно признанию своей вины и своей несостоятельности.

Одним словом, я считаю, что и элементарная справедливость и твердо установившаяся литературная традиция делают меня единственным судьей в вопросе о том, отвечать или не отвечать на статью Влад<имира> Викт<оровича>.

Оказывается, что Вы держитесь совершенно противоположного мнения: Вы полагаете, что редакция может лишить меня права самозащиты, даже не полюбопытствовавши узнать, каковы мои намерения и желания.

Обращаю Ваше внимание на то, что здесь дело идет не о том, кому будет предоставлено *последнее* слово: мне или Вл<адимиру> Вик<торовичу>, а о том, что я совершенно лишен слова, и вдобавок по тому вопросу, по которому, как Вы сами заявляете, редакция не имеет собственного мнения и не может судить, кто из нас прав.

Позвольте Вам заявить, что я мог бы оставить без протеста подобное нарушение своего права только в том случае, если бы я вообще согласился пребывать в положении человека, лишенного всех прав.

Ваш П. Мокиевский³².

Михайловский попытался настоять на своем, однако получил от Мокиевского еще более категоричный ответ, написанный 24 октября 1898 г.:

Многоуважаемый Николай Константинович,

Вероятно, я недостаточно ясно выразил свою мысль в предыдущем письме к Вам, вследствие чего между нами и возникло некоторое недоразумение.

Я не настолько наивен, чтобы воображать, что полемикой можно убедить кого-либо, а тем более такого человека, как Влад<имир> Вик<торович>, который из-за некоторого теоретического разномыслия рвет многолетние дружеские отношения. Мало того, *почти наверное* я и *добровольно* не отвечал бы ему уже из-за того одного, чтобы не причинять ему новых неприятностей.

³² РО ИРЛИ. Ф. 181. Оп. 1. № 457. Л. 3–4.

Затем, я отлично знаю, что редакция имеет право *класть предел* полемике. И я не настолько нелогичен, чтобы из посылки: «редакция не имеет собственного мнения об Авенариусе» делать вывод: «редакция не имеет права класть предел полемике об Авенариусе».

Мой протест имеет совсем другой смысл. Центр тяжести моего предыдущего письма лежит в утверждении, что я один имею *решающий* голос в вопросе, отвечать или не отвечать Влад<имиру> Викторовичу, ибо право самозащиты: право приводить доказательства того, что моя статья не есть результат маломыслия или невежества, — есть такое элементарное право каждого автора, что дозволение нарушить это право было бы равносильно согласию переносить всякое обращение.

Что произошло у нас? А вот что:

1) Выходит книга, которую ред<акция> «Р.Б.» поручает разобрать мне.

2) Переводчик оскорбляется недостаточно хвалебным отзывом об авторе книги, пишет возражение (содержание которого мне совершенно неизвестно) и отдает его в редакцию *того же* «Р.Б.».

НВ. То обстоятельство, что переводчик двумя годами ранее изложил эту книгу и эту философию в «Р.Б.», сути дела не изменяет³³.

4) Редакция, *не полюбопытствовавши даже узнать*, как я намерен вести себя, просто декретирует лишение меня права самозащиты.

Здесь нет и речи о применении права редакции класть предел затянувшейся полемике, ибо мне заявляют, что я не могу *даже и начать* самозащиту.

Подобную меру редакция могла бы принять лишь в том случае, если бы, ознакомившись с предметом полемики, она увидела, что была введена в заблуждение и поместила у себя совершенно негодную статью.

Но когда редакция, заявляя сама, что не имеет собственного мнения о предмете спора, все-таки обращается со своим сотрудником так, как будто бы его полная несостоятельность была уже несомненно доказана, то спрашивается, какое еще большее оскорбление могла бы она нанести этому своему сотруднику?

Мне нет надобности указывать Вам, как легко и просто редакция могла бы покончить со всею этою историею, если бы она своевременно хоть на минуточку вспомнила, что и мои интересы здесь замешаны.

³³ Имеется в виду упомянутая нами выше статья Лесевича «Эволюция философии и философские “переживания”», см. примеч. 29.

Остается разъяснить еще одно недоразумение. Вы пишете, что Вам «будет очень прискорбно», если я, перенесши полемику в другой журнал, присоединю сюда еще «протест против поведения “Р.Б.”». Начать с того, что я никуда и никакой полемики переносить не намерен. Затем, я считаю, что русское общество имеет великое множество бесконечно более важных дел, чем вопрос о том, хорошо ли поступила со мной редакция «Р.Б.». Поэтому я не намерен ни перед кем протестовать, не намерен никого призывать в судьи своего дела.

Мое предыдущее письмо заключало в себе не *извещение* о том, что я буду протестовать, а *самый протест*, т. е. заявление, что я не намерен выносить подобное обращение с собою и предпочитаю удалиться.

Ваш П. Мокиевский³⁴.

Из сложившейся ситуации Михайловский нашел довольно простой тактический выход. Формально не отказывая Лесевичу, он в ближайшем номере журнала (цензурное разрешение 27 октября 1898 г.) напечатал его ответ, но сократил его до такой степени, что из содержательной полемики (если таковая была; первоначальный текст Лесевича неизвестен) он превратился в запальчиво изложенное «разъяснение» терминологических «недоразумений»:

З а м е т к а

В июльской книжке «Русского богатства» помещена статья г. Мокиевского «Несколько слов об одной из новейших философских систем». Так как в этой статье речь идет о переведенной мною книге Ф. Карстаньена «Введение в Критику чистого опыта», то считаю нужным разъяснить вкравшееся в эту статью недоразумение.

Ни о какой «системе» в книге Карстаньена речи нет: книга посвящена не «системе», а «методу»; если бы она имела в виду «систему», то и называлась бы «введением в “систему” чистого опыта», и в таком случае метила бы не на «Критику чистого опыта» Авенариуса, а на какое-то другое сочинение, пока еще никому не известное. Если же никакой «системы» в книге Карстаньена нет, то, само собою разумеется, нет в ней и «системы ограничения». Далее, нет «факторов» познания, а есть «условия» познания; — нет произвольных предпосылок, а есть только неизбежная предпосылка опыта, не будь которой, не было бы и самой книги, и нам не пришлось бы толковать о ней.

Вл. Лесевич³⁵.

³⁴ РО ИРЛИ. Ф. 181. Оп. 1. № 457. Л. 5–6.

³⁵ РБ. 1898. № 10. Отд. 2. С. 179.

Лесевич, с которым Михайловский, разумеется, согласовал новый вариант текста (возможно, с объяснениями причин правки), ответил весьма прохладным согласием (в тот же день, когда было написано второе письмо Мокиевского — 24 октября 1898 г.):

Многоуважаемый Николай Константинович.

Я, как и всегда, этот раз также предоставляю все Вашему усмотрению и вполне согласен на проделанные Вами сокращения.

Искренно уважающ<ий> Вас

В. Лесевич³⁶.

Мокиевский же воспринял новость с радостным облегчением: новый вариант «Заметки» уж точно не обязывал его ни к каким ответам. Возможно, сообщая ему о предпринятой редактуре, Михайловский добавил какие-то добрые слова своему постоянному сотруднику. Мокиевский в ответ послал открытку; текст датирован 25 октября 1898 г., а почтовый штемпель 26 октября:

Многоуважаемый Николай Константинович,

В глубине души я никогда не сомневался, что Вы поступите с тем благородством, которое присуще всякой истинной силе.

Ваш П. Мокиевский³⁷.

Для Лесевича произошедшая размолвка с Михайловским и редакцией РБ в целом стала, видимо, последней каплей. Современный исследователь пишет: «Лесевич не смог смириться с тем, что ему была предоставлена лишь одна страница журнального пространства для ответа на критику Мокиевского, и не только потому, что речь шла о весьма близкой ему теме, но главным образом потому, что произошедшее говорило о недостаточном интересе редакции к философии. В результате Лесевич покинул “Русское богатство”, отвергая любое сотрудничество с ним <...>» [7, с. 50]³⁸.

Так это и выглядело со стороны — а Лесевич к этому времени уже давно смотрел на РБ со стороны и обращался к Михайловскому персонально не только по праву старой дружбы, но и потому, что в нем одном видел реальную власть в редакции. Однако представленные нами материалы показывают, что Михайловский был способен прислушиваться к мнению сотрудников в большей степени, чем это принято считать. И к числу тех, чей голос мог

³⁶ РО ИРЛИ. Ф. 181. Оп. 1. № 386. Л. 98.

³⁷ РО ИРЛИ. Ф. 181. Оп. 1. № 457. Л. 7.

³⁸ Автор не была знакома с письмами П.В. Мокиевского.

оказаться значимым, а иногда и решающим, принадлежал и Павел Васильевич Мокиевский.

Литература

1. Аннотированный указатель авторов и сотрудников журнала «Русское богатство». 1892–1918 // Литературное наследство. 2024. Т. 109. (В печати).
2. *Брачев В.С.* Масоны у власти. М.: Эксмо; Алгоритм, 2006. 639 с.
3. *Голлербах Е.А.* Книги революции: Государственный книжный фонд как инструмент советской культурной политики между двумя мировыми войнами. Saarbrücken: Lap Lambert Academic Publishing, 2011. 525 с.
4. Деятели революционного движения в России: Био-библиографический словарь. М.: Всесоюзн. о-во политических каторжан и ссыльнопоселенцев, 1931. Т. 5. Вып. 1. XXVI с., 582, [2] стб.
5. *Кареев Н.И.* Прожитое и пережитое / подгот. текста, вступ. ст. и коммент. В.П. Золотарева. Л.: Изд-во ЛГУ, 1990. 382 с.
6. *Платонов О.А.* Масоны в русской истории XX века. М.: Родная страна, 2014. 383 с.
7. *Стейла Д.* Наука и революция: Рецепция эмпириокритицизма в русской культуре (1877–1910 гг.) / пер. с итал. О. Поповой. М.: Академический проект, 2013. 363 с.
8. *Строганов М.В.* «Веселыми ногами». Два эпизода из критических полемик Н.К. Михайловского // Культура и текст. 2020. № 4 (43). С. 103–125.
9. Указатель содержания журнала «Русское богатство». 1892–1918 // Литературное наследство. 2024. Т. 109. (В печати).
10. *Филиппов Б.М.* Тернистый путь: Жизнь и деятельность русского ученого и литератора М.М. Филиппова. 2-е изд., доп. и переработ. М.: Наука, 1969. 198 с.
11. *Шшишкин О.А.* Битва за Гималаи: НКВД: магия и шпионаж. М.: ОЛМА-Пресс, 1999. 399 с.

Pavel Mokievskii in “Russkoe Bogatstvo”: Two Disputes that Failed

© 2024. Alexey V. Vostrikov
St. Petersburg State University,
St. Petersburg, Russia

Abstract: This article covers certain aspects of the status at “Russkoe Bogatstvo” (“Russian Wealth”) of one of the journal’s long-time editors, Pavel Vasilievich Mokievskii. The archival material, unpublished for the most part, presents him as an independent author and unconstrained, principled journalist. The article examines two episodes connected with the dissatisfaction of authors M.M. Filippov in 1895 and

V.V. Lesevich in 1898 with reviews written by Mokievskii. In both cases, the offended authors appealed to the chief editor of “Russkoe Bogatstvo,” N.K. Mikhailovskii, demanding that he print their rejoinders, while he, in turn, redirected their responses to Mokievskii along with his thoughts on the possibility and / or necessity of a dispute on the pages of the journal. In both instances, Mokievskii managed to convince the editor not only of the integrity of his opinions on their merits but also of the futility of any long-drawn-out dispute. Moreover, in the second case, concerning V.V. Lesevich, with whom Mikhailovskii had maintained friendly relations for many years, Mokievskii expressed a readiness to end his collaboration with the journal should his position not be adopted. A detailed examination of these episodes not only reveals the hidden mechanisms behind journalistic disputes but also adds considerably to our conception of the relationships of “Russkoe Bogatstvo” staff among themselves and to those authors who oppose their views.

Keywords: P.V. Mokievskii, N.K. Mikhailovskii, “Russkoe Bogatstvo,” M.M. Filippov, V.V. Lesevich, review, journalistic dispute.

Information about the author: Alexey V. Vostrikov, Senior Curator of the Bestuzhev Courses Library Department, Scientific Library named after M. Gorky, St. Petersburg State University, Universitetskaya Emb., 7–9, 199034 St. Petersburg, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0005-0821-9511>

E-mail: bestuzhevka@gmail.com

For citation: Vostrikov, A.V. “Petr Mokievskii in ‘Russkoe Bogatstvo’: Two Disputes that Failed.” *Literaturnyi fakt*, no. 3 (33), 2024, pp. 290–307. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2024-33-290-307>

References

1. “Annotirovannyi ukazatel’ avtorov i sotrudnikov zhurnala ‘Russkoe bogatstvo’. 1892–1918” [“Annotated Index of Authors and Contributors to the Journal ‘Russian Wealth’. 1892–1918”]. *Literaturnoe nasledstvo [Literary Heritage]*, vol. 109, 2024. (In print) (In Russ.)
2. Brachev, V.S. *Masonry u vlasti [Masons in Power]*. Moscow, Eksmo Publ., Algoritm Publ., 2006. 639 p. (In Russ.)
3. Gollerbach, E.A. *Knigi revoliutsii: Gosudarstvennyi knizhnyi fond kak instrument sovetskoi kul’turnoi politiki mezhdu dvumia mirovymi voynami [Books of the Revolution: The State Book Fund as an Instrument of Soviet Cultural Policy Between the Two World Wars]*. Saarbrücken, Lap Lambert Academic Publ., 2011. 525 p. (In Russ.)
4. *Deiateli revoliutsionnogo dvizheniia v Rossii: Bio-bibliograficheskii slovar’ [Figures of the Revolutionary Movement in Russia: Biographical and Bibliographical Dictionary]*, vol. 5, issue 1. Moscow, Vsesoiuznoe obshchestvo politicheskikh katorzhan i ssyl’noposelentsev Publ., 1931. XXVI p., 582, [2] col. (In Russ.)
5. Kareev, N.I. *Prozhitoe i perezhitoe [Lived and Experienced]*, text prep., intro. article and comm. by V.P. Zolotarev. Leningrad, Leningrad State University Publ., 1990. 382 p. (In Russ.)
6. Platonov, O.A. *Masonry v russkoi istorii XX veka [Masons in Russian History of the 20th Century]*. Moscow, Rodnaia strana Publ., 2014. 383 p. (In Russ.)

7. Steila, D. *Nauka i revoliutsiia: Retseptsii empiriokrititsizma v russkoi kul'ture (1877–1910 gg.)* [Science and Revolution: Reception of Empirio-Criticism in Russian Culture (1877–1910)], trans. from Italian by O. Popova. Moscow, Akademicheskii Proekt Publ., 2013. 363 p. (In Russ.)

8. Stroganov, M.V. “‘Veselymi nogami’. Dva epizoda iz kriticheskikh polemik N.K. Mikhailovskogo” [“‘Happy Feet.’ Two Episodes from the Critical Polemics of N.K. Mikhailovsky”]. *Kul'tura i tekst*, no. 4 (43), 2020, pp. 103–125. (In Russ.)

9. “‘Ukazatel’ soderzhaniia zhurnala ‘Russkoe bogatstvo’. 1892–1918” [“Index of Contents of the Journal ‘Russian Wealth.’ 1892–1918”]. *Literaturnoe nasledstvo* [Literary Heritage], vol. 109, 2024. (In print) (In Russ.)

10. Filippov, B.M. *Ternisty put': Zhizn' i deiatel'nost' russkogo uchenogo i literatora M.M. Filippova* [Thorny Path: Life and Work of the Russian Scientist and Writer M.M. Filippov]. 2nd ed., enl. and rev. Moscow, Nauka Publ., 1969. 198 p. (In Russ.)

11. Shishkin, O.A. *Bitva za Gimalai: NKVD: magiia i shpionazh* [Battle for the Himalayas: NKVD: Magic and Espionage]. Moscow, OLMA-PRESS Publ., 1999. 399 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 16.03.2024
Одобрена после рецензирования: 18.05.2024
Дата публикации: 25.09.2024

The article was submitted: 16.03.2024
Approved after reviewing: 18.05.2024
Date of publication: 25.09.2024